

на выборах, то результаты были менее плохи, чем можно было опасаться. В Париже список Марата, в который входили имена всех известных революционеров из Клуба кордельеров и из Клуба якобинцев, прошел целиком. 525 «выборщиков», собравшихся в самый день 2 сентября в помещении Якобинского клуба, избрали председателем и вице-председателем своего собрания Колло-д'Эрбуа (крайнего якобинца) и Робеспьера, исключили всех, подписавших роялистские петиции («8 тыс.» и «20 тыс.»), и подали голоса за список Марата.

Тем не менее «умеренный» элемент все еще продолжал господствовать, и Марат писал после первого же заседания Конвента, что если судить по качеству представителей народа, то можно отчаиваться в возможности спасти общество. Он предвидел, что их сопротивление революционному духу приведет Францию к бесконечной борьбе. «Они окончательно погубят все, - писал он, - если небольшая кучка защитников народа, призванных бороться с ними, не возьмет верх и не раздавит их». Мы увидим скоро, до какой степени он был прав.

Но сами события толкали Францию к республике, и это общенародное течение было так сильно, что умеренные элементы Конвента не решились противиться потоку, уносившему королевскую власть. В первое же свое заседание Конвент единогласно провозгласил отмену монархии во Франции. Мы видели, что Марсель и некоторые другие провинциальные города требовали республики еще до 10 августа: Париж с первого же дня выборов торжественно выставил то же требование. Клуб якобинцев также решил наконец заявить себя в пользу республики: он сделал это в заседании 27 августа после опубликования бумаг, найденных в шкафу Тюильри. Конвент осторожно последовал за Парижем. В первом своем заседании, 21 сентября 1792 г, он отменил королевскую власть; а на другой день в другом декрете он повелел, чтобы с этого дня все официальные документы помечались первым годом республики. Но самого провозглашения республики он так и не сделал.

Три ясно разграниченные партии сошлись в Конвенте: Гора¹, Жиронда и Равнина или, вернее, Болото (La Plaine, потом - Le Marais) Жирондисты, хотя их было меньше 200, господствовали. Они уже раньше, при Законодательном собрании, давали королю министерство (Ролана) и стремились заслужить славу «государственных людей». Состоя из людей образованных, изящных, тонких политиков, партия Жиронды представляла собой интересы промышленной, торговой и земельной буржуазии, быстро создававшейся при новом порядке. При поддержке Равнины жирондисты были вначале самой сильной партией; из них и составилось первое республиканское министерство. В министерстве, попавшем во власть 10 августа, был только один представитель *народной* революции - Дантон; но и он вышел в отставку 21 сентября, и власть осталась, таким образом, в руках одних жирондистов.

Гора, состоявшая из якобинцев, как Робеспьер, Сен-Жюст и Кутон, из кордельеров, как Дантон и Марат, и пользовавшаяся поддержкой народных революционеров Коммуны, как Шометт и Эбер, еще не сформировалась в то время в политическую партию. Это случилось лишь позднее, под влиянием самого хода событий. Пока Гора поддерживала всех тех, кто хотел идти вперед и привести революцию к осязательным результатам, т. е. уничтожить королевскую власть и окончательно подорвать настроение, поддерживавшее эту власть, раздавить аристократию и политическую силу духовенства, отменить вполне феодализм, упрочить республику.

Наконец, Равнину, или Болото (впоследствии его называли также Брюхом), составляли люди колеблющиеся, без определенных убеждений, но владеющие собственностью и консерваторы по инстинкту - те самые, из кого состоит большинство всех представительных собраний. В Конвенте их было около 500. Сначала они поддерживали жирондистов, но в минуту опасности покинули их. Затем страх заставил их поддерживать крайних монтаньяров с Сен-Жюстом и Робеспьером; а позднее они стали участниками белого террора, после того как Термидорский переворот 1794 г. послал Робеспьера и его товарищей на эшафот.

Теперь, после провозглашения республики 21 сентября 1792 г., опять можно было думать, что революция сможет развиваться беспрепятственно и пойдет своим естественным путем, указанным ей самой логикой событий. Суд над королем и его осуждение, республиканская конституция взамен конституции 1791 г, неумолимая война против иностранных завоевателей и вместе с тем окончательное уничтожение того, что составляло силу старого строя: феодальных прав, власти духовенства, монархической организации провинциального управления. Отмена всех этих пережитков прошлого, естественно, вытекала из самого хода революции.

¹ La Montagne, отсюда слово — монтаньяры, т. е. «горцы».